



СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ КАК СКРЫТОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Султонова Дилдорахон Мухторовна

Магистрант, Чирчикский государственный педагогический
институт (Узбекистан)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17569856>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 05-noyabr 2025 yil
Ma'qullandi: 08-noyabr 2025 yil
Nashr qilindi: 10-noyabr 2025 yil

KEY WORDS

языковая манипуляция,
психологическое воздействие,
скрытность, мишени
воздействия, когнитивные
механизмы, речевые стратегии,
лингвистическая
относительность.

ABSTRACT

Статья посвящена анализу феномена языковой манипуляции как специфического вида скрытого психологического воздействия. Рассматриваются его сущностные признаки, когнитивно-психологические механизмы и лингвистические инструменты. Особое внимание уделяется структуре манипулятивного процесса и роли языка в формировании интерпретации реальности. Делается вывод о том, что эффективность языковой манипуляции обусловлена неоднозначностью языковых средств, особенностями восприятия речи и уязвимостью подсознательных уровней психики.

Языковая манипуляция представляет собой сложное междисциплинарное явление, находящееся на стыке лингвистики, психологии, социологии и теории коммуникации. В современных условиях, особенно в эпоху доминирования цифровых медиа, она приобретает всё большую актуальность как инструмент скрытого влияния на общественное и индивидуальное сознание. В отличие от прямого убеждения, манипуляция характеризуется сокрытием истинных намерений и созданием у адресата иллюзии самостоятельного принятия решений, выгодных манипулятору.

В основе феномена лежит более широкое понятие — манипуляция как вид психологического воздействия. Её ключевые признаки, выделенные в работах Е. Л. Доценко, включают скрытность, использование адресата как средства достижения цели, одностороннюю выгоду, опору на психологические уязвимости и создание иллюзии свободного выбора [1, 45]. Языковая манипуляция реализуется именно через эти признаки, но специфически — посредством ресурсов языка: лексики, синтаксиса, когнитивных операций, риторических приёмов и импликатур. В отличие от прямого речевого воздействия (например, аргументации или убеждения), манипуляция не заявляет о своей цели открыто, а «упаковывает» её в внешне нейтральные или отвлекающие конструкции, называемые «легендой» [2, 115].

Центральным условием эффективности языковой манипуляции является неосознаваемость воздействия адресатом. Как отмечает Г. В. Грачев, «манипуляция возможна только тогда, когда объект не замечает, что им управляют» [3, 78]. Этот

эффект достигается за счёт особенностей восприятия речи: автоматизма интерпретации, селективности внимания, тенденции к домысливанию и склонности к эффекту присвоения чужих мнений [1, 67]. В процессе восприятия сообщения сознание адресата не просто расшифровывает слова, но и интегрирует их в уже существующую когнитивную структуру — систему верований, установок, стереотипов и эмоциональных реакций. Именно эти структуры и выступают в качестве «мишеней» манипулятивного воздействия.

Под «мишенями» понимаются уязвимые психические и когнитивные образования, на которые направлены манипулятивные приёмы. К ним относятся, в частности, базовые потребности по иерархии А. Маслоу (особенно физиологические и потребности в безопасности), социальные установки («мы» vs «они»), эмоциональные состояния (страх, гнев, надежда) и когнитивные шаблоны (стереотипы, автоматизмы мышления) [1, 212]. Например, апелляция к страху перед «внешним врагом» или к потребности в социальной принадлежности позволяет легко внедрить в сознание адресата требуемую установку или поведенческий паттерн.

Механизмы реализации языковой манипуляции строятся на многоуровневой модели речевого поведения. В соответствии с подходом О. С. Иссерс, выделяются стратегия (общий замысел воздействия), тактики (направленные на решение частных задач), приёмы (конкретные речевые действия) и языковые средства (лексические, синтаксические, параграфемические формы) [4, 89]. Так, стратегия внушения установки «данный политик — спаситель нации» может включать тактику апелляции к авторитету, реализуемую через приём метафорического переноса («он — отец для всех нас»), воплощённый в лексико-синтаксической конструкции с эмоционально окрашенной номинацией и гиперболизацией.

Особую роль в манипуляции играет неоднозначность языка. Слова и конструкции редко имеют строго фиксированное значение: они несут в себе коннотативные, эмоциональные и стилистические оттенки, активизирующие у адресата определённые ассоциации. Как писал М. Маклюэн, «все слова каждого языка — метафоры». Эта метафоричность позволяет создавать скрытые смыслы, не высказывая их прямо. Так, замена термина «убийство» на «нейтрализация цели» в военных сообщениях снижает эмоциональную нагрузку и формирует у читателя иное отношение к событию [5, 205].

Кроме того, язык формирует не только речь, но и мышление. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа, структура языка определяет способы восприятия и категоризации мира [5, 207]. В условиях медиадискурса эта особенность используется для конструирования определённой картины реальности. Например, постоянное употребление слов «хаос», «анархия», «разруха» в описании политической оппозиции формирует у аудитории устойчивое негативное отношение к ней, даже если фактические аргументы отсутствуют.

Наиболее эффективные манипулятивные приёмы задействуют иррациональные механизмы влияния: внушение, подражание и эмоциональное заражение. В отличие от убеждения, требующего логического осмысления, внушение воздействует напрямую на подсознание, минуя критический фильтр. Именно поэтому в манипулятивных текстах часто используются риторические вопросы («Разве вы хотите, чтобы всё вернулось назад?»), аргументы «к публике» («Все нормальные люди так считают») или апелляции

к страху [1, 192]. Эти приёмы не доказывают, а навязывают — и делают это под видом «здравого смысла» или «общего мнения».

Технологии языковой манипуляции систематизируются в современной лингвистике по нескольким направлениям. Наиболее продуктивным является подход, основанный на уровнях интерпретации сообщения: (1) манипуляция информацией (отбор, искажение, сокрытие фактов); (2) использование риторического инструментария (логические уловки, когнитивные операции, макроструктурная организация); (3) воздействие через языковые средства (лексические коннотации, синтаксические трансформации, параграфемика) [6, 134]. Такой подход позволяет не только выявлять манипуляции в текстах, но и описывать их механизм на микро- и макроуровне.

Важно подчеркнуть, что сами по себе языковые средства не являются манипулятивными — их функция определяется контекстом и коммуникативным намерением. Например, пассивный залог может использоваться для стилистического разнообразия или для сокрытия агента действия («были приняты меры» вместо «мы приняли меры»). Именно в последнем случае он становится инструментом манипуляции, направленным на снятие ответственности.

Таким образом, языковая манипуляция — это не просто «искусство обмана», а сложная система скрытого влияния, опирающаяся на объективные закономерности функционирования языка и психики. Её эффективность обусловлена синтезом трёх факторов: во-первых, особенностями языковой системы (неоднозначность, коннотативность, структурная вариативность); во-вторых, закономерностями восприятия речи (автоматизм, селективность, домысливание); в-третьих, уязвимостью психики к иррациональным воздействиям (эмоции, стереотипы, базовые потребности).

Понимание этих механизмов позволяет не только анализировать манипулятивные практики в медиа, политике и рекламе, но и формировать защитные стратегии — развитие критического мышления, рефлексии и метаязыковой компетенции. Как отмечает С. А. Зелинский, «любая информация, попадающая в поле восприятия человека, откладывается в подсознании и программирует его поведение» [7, 94]. Следовательно, осознанное отношение к языку — это не просто академический навык, а необходимое условие сохранения когнитивной автономии в условиях информационного общества.

Список литературы:

1. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М.: ЧеРо, МГУ, 1997. — 344 с.
2. Спиридонова, Л. А. Образ государственного деятеля в советской исторической прозе / Л. А. Спиридонова // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 112–117.
3. Грачев, Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. — М.: ИФ РАН, 1999. — 151 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: URSS, 2008. — 288 с.

5. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 320 с.
6. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2005. — № 1. — С. 29–54.
7. Зелинский, С. А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование в СМИ / С. А. Зелинский. — М.: ИТД «СКИФИЯ», 2008. — 248 с.

